

Цикл
Александра Харникова,
Максима Дынина
РУССКИЕ СВОИХ НЕ БРОСАЮТ

Балтийская рапсодия
Севастопольский вальс
Дунайские волны
Турецкий марш

Александр Харников
Максим Дынин

ТУРЕЦКИЙ МАРШ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Х21

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 185

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

**Харников, Александр Петрович;
Дынин, Максим**

Х21 Русские своих не бросают: Турецкий марш: роман / Александр Харников, Максим Дынин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-133594-6

Крымская, или Восточная, война 1853–1856 гг. велась объединенными силами Британии, Франции, Турции и Сардинии против Российской империи на многих театрах боевых действий. Атакам союзников подверглись Соловецкие острова, Кола, Бомарзунд и Свеаборг, Петропавловск на Камчатке и главные порты России на Черном море — и Одесса и Севастополь.

Но неожиданно на помощь Российской империи пришли неведомо как оказавшиеся в XIX веке корабли Балтфлота РФ. С помощью их на Балтике была разбита объединенная англо-французская эскадра, на Черном море деблокирован осажденный Севастополь и отогнаны от российских берегов корабли союзников. Русские заставили Австрию вывести войска из занятых ею Дунайских княжеств. Настало время двинуть армию к границам Османской империи. И там, подойдя к стенам древнего Царьграда, подписать мирный договор, который, как предполагал царь Николай I, положит конец долгому российско-турецкому противостоянию.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Александр Харников, 2020

© Максим Дынин, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-133594-6

Пролог

*13 (1) ноября 1854 года, за несколько часов до рассвета. Берег Дуная у Галаца.
Поручик Коган Евгений Львович, начальник артиллерии Первой самоходной батареи Корпуса морской пехоты Гвардейского флотского экипажа*

На той стороне Дуная трижды мигает фонарь. Я шепчу про себя молитву Пресвятой Богородице, закрываю люк, и моя «ноночка» первой осторожно спускается к великой реке, истоки которой располагаются на юго-западе немецких земель, в горах Шварцвальда, в полутора тысячах километров западнее. Здесь же Дунай лениво, не спеша, несет свои воды по широкой и ровной степи к уже недалекому Черному морю.

Наше командование провело качественную работу по дезинформации противника. Турки твердо уверены, что наше генеральное наступление начнется восточнее Галаца, напротив Орловки у Измаила. Еще вчера вечером десятки тысяч наших солдат и офицеров находились севернее реки. Но с наступлением темноты вся эта махина людей и плавсредств пришла в движение и началась переправа — сначала на гребных судах, а потом к делу подключились колесные пароходы, отчаянно дымящие трубами баркасы и спешно сколоченные из сырого леса паромы с подвесными моторами. А теперь пришла и наша очередь. Что ж, как сказал Гай Юлий Цезарь, переходя Рубикон — пограничную речку, от-

делявшую Галлию от территории собственно Римской республики, *alea iacta est* — жребий брошен. Операция по освобождению Добруджи началась.

Урча двигателем, «нона», задрав нос, выкарабкалась на берег и осторожно вползла вверх по склону, туда, где опять замигал светодиодный фонарь. Вскоре к ней присоединились еще три машины, а затем с понтонов на берег сошли грузовики с имуществом взвода и приданный нам бензовоз. На секунду луна выглянула сквозь тучи, и передо мной открылась величественная картина переправы русского войска.

Рядом с нами находились люди в таком же камуфляже, что и у нас, а мимо в предрассветной темноте двигалась пехота в мундирах эпохи императора Николая I. Вслед за ней, позвякивая уздечками и оружием, шла конница. Всадники крепко сидели в седлах, кони всхрапывали и скользили копытами по глинистому берегу. Я поймал себя на мысли, что уже не нахожу ничего странного в том, что рядом с боевой техникой начала третьего тысячелетия можно увидеть униформу и оружие середины XIX века...

Когда-то, как мне сейчас кажется, уже давным-давно — около полутора веков тому вперед — я служил срочную на такой же «ноночке» в российской армии. После службы я окончил институт, а потом поступил на работу оператором на RT. Один из моих лучших друзей, а по совместительству мой крестный, Ник Домбровский, уговорил меня отправиться вместе с ним на первое самостоятельное задание — ему предстояло сделать репортаж о походе учебного корабля Балтфлота «Смольный» к берегам Скандинавии.

Вот только в конце этого вояжа мы, по неизвестной до сих пор причине, каким-то чудом оказались в 1854 году, в самой гуще боевых действий. На Россию напали

англичане, турки и французы. Началась война, которая в нашей истории получила название Крымской. К стыду своему, я плохо знал отечественную историю, и мне не было известно, что боевые действия велись не только в Крыму, но и во многих других местах.

Мы попали на Балтику, где объединенные силы Англии и Франции осадили недостроенную русскую крепость Бомарзунд, расположенную на Аландских островах. В нашей истории ее захватили после недолгой осады. В истории, в которую мы попали (я чуть было не сказал — вляпались), мы сумели предотвратить захват крепости. Более того, мы уничтожили или пленили практически всю объединенную англо-французскую эскадру вкупе с французским экспедиционным корпусом.

Затем мы ухитрились перебросить часть нашей «эскадры нового строя» по внутренним российским коммуникациям из Балтики в Черное море. Там мы сумели нанести поражение англо-франко-турецкому флоту и уничтожить крымскую группировку противника. Англичане попытались было вновь прорваться на Балтику, попутно в третий раз за какие-то полсотни лет обстреляв Копенгаген, но наши корабли успели прийти на помощь датчанам и обнулить противника.

Наш небольшой крейсерский отряд, базируясь на Фарерских островах, принадлежащих Дании, в настоящее время действует в Ирландском и Северном морях, сумев фактически блокировать Британские острова и перехватить морские пути, связывавшие Метрополию с ее колониями. Дунайской же армии, служить в которой мне выпала честь, поставлена задача освободить европейские земли, все еще находящиеся под турецким игмом, и совершить молниеносный бросок на Константинополь. И мои «ноны», смею надеяться, сыграют в этом не последнюю роль.

*13 (1) ноября 1854 года. Лондон.
Баронет сэра Теодор Фэллон,
жиголо с дворянским титулом*

Когда мы уселись на пароходик с женским именем «Матильда», человек в цивильном с приклеенной улыбкой (который, как ни странно, даже мне не представился) спросил:

— Ну и что вы хотели бы посмотреть в Лондоне, сэра Теодор? А то у нас еще уйма времени — виконт Палмерстон ожидает вас только к четырем часам.

— Ну, я хотел бы увидеть Тауэр...

— Это всегда успеется, — мой сопровождающий чуть хохотнул, да так, что у меня мурашки по спине пошли. — Давайте начнем с лондонского Сити. На все времени явно не хватит, поэтому посмотрим римскую стену, собор Святого Павла, погуляем по местным улочкам, а потом пообедаем в моем клубе.

— Хотелось бы посмотреть Британский музей, Трафальгарскую площадь, Букингемский дворец, Гайд-парк...

— А вы неплохо осведомлены о местных достопримечательностях, сэра Теодор. Уже бывали в Лондоне?

Я ответил фразой из анекдота:

— Пока нет, но уже хотелось.

Тот снова дежурно улыбнулся и продолжил:

— Я все это вам покажу, наверно, завтра. Тогда же мы посетим и Национальную галерею. А сегодня у нас

в программе после Сити Вестминстер — Вестминстерское аббатство, Парламент, Дом Банкетов — это, знаете ли, последний оставшийся фрагмент Вестминстерского дворца — все остальное сгорело двадцать лет назад.

— Биг-Бен?

— А что это такое? — с недоумением спросил не представившийся мне сэр.

— Ну, это башня с часами у Парламента.

— То есть Елизаветинская башня? Так она еще не достроена до конца.

— А Даунинг-стрит?

Тот посмотрел на меня с изумлением.

— Однако, сэр Теодор. Именно там, под номером десять, и назначена ваша встреча с премьер-министром. Но там, уверяю вас, ничего интересного — здание уже двадцать лет простаивает, разве что иногда там происходят встречи вроде вашей. Ладно, все это потом, а пока наслаждайтесь панорамой города с реки — вряд ли нечто подобное есть хоть в одном городе мира.

«А вот фигурки, — злорадно подумал я. — Ты, гад, в Питере еще не был». Вслух же сказал:

— А как мне вас величать?

— Извините, сэр Теодор. Зовите меня... сэр Генри. Увы, но полного своего имени я вам не могу назвать. Пока не могу... — И сэр Генри, если это и в самом деле было его имя, поклонился и умолк.

Минут через сорок мы пришвартовались у пирса недалеко от Тауэра, после чего последовала обещанная прогулка по Сити. Больше всего меня поразил, наверное, обещанный клуб — прекрасное здание в итальянском стиле, вышколенные слуги, проводившие нас в отдельный кабинет. Вот только моего спутника дворецкий назвал сэром Стэффордом, на что тот чуть покраснел, но не стал его поправлять.

Потом мы вернулись все на том же парходике в Вестминстер и, после осмотра достопримечательностей, пришли в то самое здание, где в мое время обитали такие неадекваты, как Тони Блэр и Дэвид Камерон, в бытность их премьер-министрами сей, на тот момент уже кастрированной, «великой» державы. Даже на фасаде облезала краска, крохотный садик был изрядно запущен, да и внутри здание пахло затхлостью и пылью. Сэр Стэффорд — он же сэр Генри — поклонился на прощание и куда-то исчез, а меня молчаливый слуга провел в небольшой кабинет на втором этаже, где предложил портвейн и сигару и попросил немного подождать. Портвейн был, на мой вкус, слишком сладким, но вполне достойным (хотя похуже, чем тот, которым меня поила ее величество Вика), сигару же я курить не стал — не мое это. Через несколько минут в комнату вошли двое моих старых знакомых — виконт Палмерстон, с лысиной, обрамленной буйными седыми волосами, и молодой Каттлей.

— Рады вас видеть, сэр Теодор — ведь так вас теперь именуют? — произнес виконт тоном, в коем при всем его дружелюбии чувствовалась нота «ты нам не ровня».

Я лишь улыбнулся:

— Взаимно, виконт и мистер Каттлей.

Дальнейший разговор, к моему вящему удивлению, был поначалу практически точным повторением нашей беседы в Шотландии. Я мысленно поблагодарил Женю Васильева за то, что он тщательно вбивал в мою голову легенду и то, что мне следовало и разрешалось донести до неприятеля. Вопросы задавались по-разному, с разных точек зрения, и я пару раз чуть не влетел — то, что знал Федор Ефремович Филонов, не обязательно должно быть известно сэру Теодору. Примерно через час мои собеседники пере-

глянулись, и Каттлей мне торжественным тоном доложил:

— Ну что ж, сэр Теодор. Про ваше существование будут знать немногие. Кроме того, даже для этих немногих вы всего лишь гость нашего правительства, бежавший от русской тирании.

— «Он выбрал свободу!» — не удержавшись, процитировал я расхожий американский пропагандистский штамп времен Холодной войны и сразу же пожалел, что вовремя не прикусил себе язык. Но, как ни странно, Палмерстон лишь широко улыбнулся мне улыбкой Чеширского кота:

— Именно так, сэр Теодор, именно так. У вас, оказывается, талант ратора. Именно так — для практически всех вы выбрали свободу и ее величество милостиво предоставила вам убежище и необходимые средства для ведения достойного образа жизни. То, что этим дело не ограничивается, знают весьма немногие: ее величество, я и господин Каттлей. Настоятельно прошу вас более ни с кем не откровенничать по этому поводу.

— Я вас понял, господин премьер-министр.

— Еще не премьер-министр, сэр Теодор, я еще только исполняющий обязанности — Парламент пока не утвердил мою кандидатуру. Так вот, хотелось бы у вас узнать про некоторых лиц из вашего будущего. Начнем с адмирала Кольцова.

А вот хрен вам, подумал я про себя. Мы с Женей и этот вопрос подробно обсудили.

— Адмирал Кольцов боевым морским офицером не является. Да и вообще он был не на самом лучшем счету среди своих коллег и сумел сделать карьеру, лишь используя личные связи. В нашем будущем его потому и назначили командующим группы кораблей, отправлявшейся с визитом в Южную Америку, так как делать

при этом было практически нечего, а человек в чине капитана первого ранга, каковым он являлся на тот момент, нужен был лишь для того, чтобы наши венесуэльские партнеры не обиделись.

Мысленно попросив у Дмитрия Николаевича прощения за ту чушь, которую про него рассказывал, я продолжал в том же духе и про него, и про командиров других кораблей, и про полковника Сан-Хуана, каждый раз смакуя тот факт, что «в наше время» они были намного ниже рангом и ни в каких боевых действиях не участвовали. Получалось, что то, что произошло на Балтике и в Крыму, увенчалось успехом лишь потому, что им «просто повезло», да и оружие у них все-таки было гораздо лучше. Да, подумал я, «пою» я ничуть не хуже среднестатистического оппозиционера из моего времени...

В дверь осторожно постучали. Палмерстон посмотрел на часы и сказал:

— Простите, сэра Теодор, но уже шесть часов, и у меня сегодня, увы, дела. Давайте встретимся с вами завтра здесь же в половину седьмого. Я привезу своего повара, и мы поужинаем вместе с мистером Каттлем и заодно продолжим столь интересную беседу. Тогда же мы сможем обсудить с вами наше дальнейшее сотрудничество, которое, как мне кажется, имеет все шансы стать долгосрочным и очень плодотворным для всех. А сегодня вас, насколько мне известно, ожидает весьма неплохой ужин в Голландском доме.

За дверью нас ждал сэра Стэффорд. Палмерстон улыбнулся:

— Сэра Теодор, позвольте вам представить сэра Стэффорда Генри Норткота, баронета Соединенного Королевства. Именно он будет вас опекать в вашем «выборе свободы».

После обычных в таком случае «хау ду ю ду»¹ Пальмерстон продолжил:

— Сэр Стэффорд, будьте так добры, привезите сюда сэра Теодора завтра в половине седьмого вечера.

— Сделаю, виконт. Сэр Теодор, идемте, пароход уже ждет нас.

Но, к моему удивлению, «Матильда», не пройдя и мили вверх по течению, после очередного изгиба реки причалила к какому-то пирсу, где сэр Стэффорд передал меня с рук на руки шести вооруженным людям в красной форме, которые «предложили» мне перебраться на другой пароход, чьего названия я не успел прочитать. Там меня поместили в каюту с зашторенными иллюминаторами. Впрочем, меня не третировали, а усадили за дубовый столик и напоили чаем, но ни на один мой вопрос не ответили. Единственное, что мне показалось, — это то, что мы опять развернулись и пошли в направлении, откуда только что приплыли. Высадили меня у каких-то мостков, рядом с которыми я с дрожью разглядел мрачные стены Тауэра. Меня передали десятку людей в такой же форме, но с алебардами в руках. Те, не говоря ни слова, повели меня внутрь через неприметную дверцу в стене. Интересно, подумал я, обменяют меня на их шпионов или я проведу остаток своей жизни в мрачных подземельях лондонской Бастилии? Хотя, насколько я помнил, англичане не любили долго морить заключенных в своих стенах: колесуют, отрубят голову — и вся недолга — виселицы мне можно не бояться, все-таки я «сэр»...

Вот только не успели мы войти в ворота замка, как мои конвоиры передали меня с рук на руки одинокому

¹ Эффраза (how do you do) в настоящее время практически не употребляется, а ранее использовалась в основном именно при знакомстве; «как дела?» и how are you?

рейвенмастеру, или «мастеру воронов», который вежливо со мною поздоровался, после чего провел меня по двору Тауэра и рассказал историю замка. Затем я оказался в небольшом средневековом зале, где рейвенмастер оставил меня, а его место заняла шестерка бифитеров в красных мундирах. Через несколько минут туда же вошла ее величество королева Александрина Виктория, которая в ответ на мой глубокий поклон и поцелуй ее руки промурлыкала:

— Сэр Теодор, принц Альберт опять уехал в Бат, поэтому я сочла возможным принять вас в моей древнейшей резиденции. А у меня есть для вас небольшой подарочек. — И она вложила в мои руки свиток, из которого следовало, что я теперь не просто сэр Теодор Фэллон, но и баронет Соединенного Королевства сэр Теодор Фэллон.

Что было дальше, расскажу лишь вкратце. Сначала мне показали сокровища британской короны, а потом повели в залу, где нас накормили весьма обильно, хоть мясо было жестковатым, а овощи переваренными. А после ужина продолжилось то, чем мы с Викулей когда-то занимались в Стирлинге. Вот только теперь мне все вспоминался анекдот про то, как на лицо нежеланной партнерши лучше всего положить подушку, а на нее — портрет любимой женщины. В моем случае — Катрионы, моей соседки по Голландскому дому...

Но если серьезно, то чувствовал я себя весьма мерзко — изменял девушке, с которой у меня, понятно, никаких отношений нет и, наверное, быть не может, но которая всего за несколько минут успела завладеть моими умом и сердцем. Как многие обитатели XXI века, я, увы, стал самым обыкновенным жиголом, да еще и не только в переносном, но и в самом что ни на есть прямом смысле. А то, что у меня был титул, особо погоды

не делало. И разве что тот факт, что я был здесь на задании, а не для собственного удовольствия, хоть немного, но притуплял угрызения совести.

15 (3) ноября 1854 года.

Османская империя. Бургас

Штаб десанта отлично потрудился над разработкой плана захвата порта и города. Согласно этому плану, за сутки до начала высадки основных сил разведывательно-диверсионные группы устроили набег на Варну. Цель набега — уничтожение складов с боеприпасами и отвлечение внимания от Бургаса. Расстояние между этими городами — чуть больше полутора сотен верст. Турецкие вестники с сообщением о набеге должны менее чем за сутки добраться из Варны до Бургаса. Одновременно с курьерами сочувствующие русским болгары и греки должны были распусть по городу слух, что, дескать, на Варну напало огромное войско царя Николая и сейчас там идет страшная резня.

Главные силы гарнизона Бургаса, точнее того, что от него осталось после перевода большей его части в Кёстендже¹ двумя неделями раньше, немедленно отправятся на помощь «ведущим неравный бой союзникам в Варне». И потому высадка главных сил десанта в Бургасе станет для неприятеля полной неожиданностью.

В отличие от Варны и Кёстендже, в Бургасе не требовалось взрывать, поджигать и крушить. Наоборот, город должен был остаться в полной целости и сохранности. Склады с боеприпасами еще послужат русской армии, равно как и склады с продовольствием.

¹ Турецкое название Констанцы.